

Девяносто первый и другие годы

АЛЕКСЕЙ ФЕДОСЕЕВ

■ С 19 по 21 августа 1991 года происходил путч ГКЧП — политический переворот, целью которого было изменение вектора развития страны и недопущение развала Советского Союза.

Так получилось, что за время учёбы в МВТУ им. Н.Э. Баумана я вживую видел всех последних советских генсеков — от Брежнева до Горбачёва. Было это примерно так: пойдёшь с коллегами-студентами, например, на ноябрьскую демонстрацию в 1982 году, «сделаешь ручкой» тому же Брежневу, а через несколько дней он уходит в мир иной.

Похожие ситуации складывались и с Юрием Андроповым (запомнившимся народу дешёвой водкой-«андроповкой» с этикеткой зелёного цвета и «шмонами» в очередях в рабочее время), и с Константином Черненко (который вообще никак себя не проявил). Их мы с ребятами тоже символически проводили в последний путь. Вот только Горбачёву (его мы также не раз созерцали и приветствовали во время демонстраций на Красной площади) в этом смысле повезло (а нам, я имею в виду большую часть советского народа, как показали дальнейшие события, не очень).

* * *

Видел я и посещение Борисом Ельциным Бауманской плодовоовощной базы в бытность его первым секретарём МКК КПСС. Я тогда был «бедным студентом», не пренебрегал никакими источниками заработка (от разгрузки вагонов до спекуляции футболками), а на овощной базе мне доводилось периодически подрабатывать водителем электрокара.

Не могу сказать, что случайная встреча с Борисом Николаевичем произвела на меня приятное впечатление. Тогда ещё сравнительно молодой и энергичный Ельцин был чем-то очень недоволен, с красным перекошенным лицом буквально прыгал по лужам от одного контейнера с картошкой к другому, ругался, а за ним поспешала его свита и местное начальство. (Оно буквально на глазах как-то сдулось, утратило свой привычный барский вид и даже не сверкало, по обыкновению, золотыми зубами.) Но потом всё как-то само собой «рассосалось» — никого не то чтобы не посадили, но даже и не уволили.

На меня будущий «гарант», понятно, не обратил никакого внимания — ваш покорный слуга в кирзовых сапогах и телогрейке мирно сидел на водительском сиденье электрокара и ел помидор.

* * *

Ну а 19 августа 1991 года я вместе с другими людьми шёл по Новому Арбату почти с одинаковой скоростью вместе с танками, которые двигались на поддержку Белого дома. Это были машины танковой роты Таманской гвардейской дивизии. Тогда на их антеннах я впервые увидел ставший теперь уже привычным наш российский триколор.

Помню, что танки шли с открытыми люками, и ликовавшие граждане передавали их экипажам кто — сигареты; кто — деньги (которые военные, однако, отказывались брать); а кто-то и бутылку водочки. В общем, все (в том числе и ваш покорный слуга) были охвачены эйфорией и радовались, сами не зная чему. Чувствовалось какое-то единение, которое довольно сложно охарактеризовать (некий аналог «свободы, равенства и братства»).

Мы все тогда ощущали себя не толпой (не было даже тени какой-либо агрессии или неадекватности), а новым, единым и свободным народом. (Хотя на баррикадах у Белого дома во время путча ГКЧП я не стоял, врать не стану.) Характерный штрих — люди, защищавшие Белый дом на баррикадах в августе 1991-го, были настроены настолько позитивно, что согласились по моей просьбе временно убрать с дороги перекрывающий её фонарный столб, чтобы дать проехать до места работы.

Ещё одна не менее яркая, но гораздо менее позитивная (если вообще здесь можно говорить о каком-либо позитиве) ситуация.

Уже осенью 1993 года, когда Ельцин боролся с «мятежниками» — Хасбулатовым, Руцким и К°, был печально известным расстрел парламента правительственными войсками и штурм Останкино оппозиционерами. Не помню точно зачем, но в эти дни нам с компаньоном по бизнесу понадобилось обязательно приехать в Москву.

Мы, естественно, поехали по Ярославке, так как этот путь (при условии отсутствия пробок) является ближайшим, да и офис тогда у нас был на проспекте Мира.

Въезд в Москву оказался перекрыт, причём сотрудники ГАИ объяснили нам, что это сделано абсолютно на всех направлениях. Мы с приятелем посоветовались и решили, что в условиях нашего российского разгильдяйства мы где-нибудь, как-нибудь, но всё равно проскочим.

Доехав до пересечения МКАД и Щёлковского шоссе, убедились, что были правы — там нас никто даже не остановил. Въезд в Москву был свободен. Представьте себе сюрреалистическое зрелище: Садовое кольцо, совершенно свободное от машин в 11 часов дня, залитое ярким солнечным светом. По нему в тот день можно было ехать буквально как вдоль, так и поперёк.

Где-то в районе кинотеатра «Новоросийск» я вдруг услышал нарастающий сзади гул и сказал приятелю (он был за рулём): «Давай свернём куда-нибудь от греха подальше». Как только мы прижались к обочине, мимо нас на большой скорости (никогда не думал, что это возможно) пронеслась колонна танков (машин примерно семь или десять).

— Да (подумалось мне), если бы мы вовремя не убрались с их пути, нашу «шестёрку» раздавили бы, как консервную банку, а мы даже и «мяу» сказать не успели бы.

Скорее всего, именно эти танки шли расстреливать парламент; хотя, конечно, сто процентной уверенности в этом у меня нет.

* * *

Ну а в день неудачного штурма Останкинского телецентра нас опять как кто-то дёрнул задержаться в офисе, неподалёку от станции метро «ВДНХ», до позднего вечера. Когда мы уже собирались ехать домой и вышли из подъезда, меня просто поразил вид бредущих от здания телецентра людей. Это были сторонники оппозиции, которые перед этим пытались штурмовать Останкино. Не хочу сказать, что видел раненых, но вид у всех был какой-то подавленный и растерзанный; как у наполеоновской армии после разгрома на реке Березине.

У меня в тот момент были очень сложные чувства и мысли. Если в 1991 году практически все безоговорочно поддерживали Ельцина, боровшегося, как мы думали, против «тоталитарного» коммунистического режима, то в 1993-м шла ба-

нальная борьба за власть уже между бывшими соратниками, а пострадали в итоге, как всегда, простые люди.

На душе было как-то смутно, не было ни радости (чему тут было радоваться?), ни особого огорчения, так как ни Руцкой, ни Хасбулатов, ни остальные «мятежники» не вызвали у меня ни малейшей симпатии. Именно тогда я получил наглядное доказательство справедливости тезиса о том, что «политика — дело грязное» (а иногда и кровавое).

* * *

Впрочем, обычная жизнь продолжается и во время путчей и кризисов. Случаи бывали разные, порой — весьма курьёзные. В августе 1991 года как раз приключились два из них.

Мы с товарищами в то время пробовали развивать самые разные направления бизнес-деятельности (подобная всеядность вообще была характерна для российских предпринимателей первой волны), в том числе и производство. Наши мощности размещались в арендованном цехе завода «Сельхозмашины» в подмосковном Щёлкове; мы выпускали станки

ходной этого предприятия, которая сопровождалась громкими криками и отборным матом. Я, конечно, полубоюпытствовал, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор.

Оказывается, наш вездесущий Никитич подловил на проходной самого директора, который хотел вывезти с территории завода целую бухту какого-то очень ценного кабеля (разумеется, с целью дальнейшей его перепродажи). Диалог между ними, который я хорошо запомнил, был примерно следующим:

Никитич: «Ты же — директор, и воруеть на своём же собственном заводе! Что же тогда все остальные должны делать?»

Директор: «Я эту бухту кабеля нашёл на территории твоего, между прочим, цеха. К тому же она была аккуратно обернута плёнкой. Наверняка ты сам и хотел её украсть!»

Никитич: «Ну и что, что хотел! Поймал ведь всё-таки не ты меня, а я — тебя».

Вскоре до руководства дошло, что не стоит решать столь щепетильные вопросы при всех. К тому времени вокруг них собралась уже немалая толпа сотрудников, с любопытством слушавших эту перепалку. Они удалились в кабинет директора, злосчастный кабель был убран подальше от всеобщего обозрения, и потом, насколько я знаю, стороны пришли к консенсусу: «спорный актив» был благополучно реализован, а деньги — поделены.

Вспоминается ещё один не менее забавный случай из нашей производственной эпопеи, имевший место в тот же период времени. Как-то раз нам заказали большую партию станков. На удивление (кто хоть раз сталкивался с производством, меня поймёт), всё прошло «без сучка, без задоринки». Комплекующие пришли вовремя, механическая и сборочная линии также сработали строго по графику, и даже электромонтажники и маляры не подвели.

Мы получили неплохой гешефт и на радостях решили выдать внеочередную премию нашим рабочим. Если бы мы сделали это, скажем, в пятницу вечером, то всё, скорее всего, окончилось бы благополучно. Но я не принял в расчёт важность временного фактора и привёз нашим работягам деньги в четверг с утра.

Тем самым я, не желая того, полностью парализовал работу не только нашего цеха, но и всего предприятия на два полных рабочих дня. Довольные рабочие, проводив меня до проходной со словами типа: «Вот спасибо, дай Бог тебе здоровья!», немедленно побежали в ближайший магазин за водкой и через пару часов были уже совершенно «никакие».

Как на грех, ни Никитича, ни даже директора в этот момент на предприятии не было; и рабочие, которым тогда постоянно задерживали зарплату, устроили настоящий «праздник непослушания». Тот же Никитич потом из кожи вон лез, чтобы узнать, кто именно совершил эту «диверсию». Но, к чести нашего рабочего класса, ни один из них меня не выдал, и вопрос так и остался открытым.

* * *

Одним словом, «грустное и смешное» летом 1991 года в моей жизни действительно было рядом, отделить одно от другого невозможно. Хотя теперь, через призму прошедших лет, всё случившееся тогда мне видится, скорее, в позитивном ключе. Это было по-своему великое время — время возможностей, перемен и надежд на лучшее будущее.